

Российские аграрники: верность идеям и делам

НИКУЛИН А. М. (2014). АГРАРНИКИ, ВЛАСТЬ И СЕЛО: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ. М.: ДЕЛО. 400 С.
ISBN 978-5-7749-0937-7

Тамара Кузнецова

Доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН
Адрес: Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация 117218
E-mail: kte@inecon.ru

Представляя читателю свою книгу, А. М. Никулин отмечает, что в нее «вошли тексты, посвященные жизни и интеллектуальному наследию ряда замечательных российских и зарубежных аграрников XIX–XXI вв.». Понятие «аграрник» многозначно, поскольку отражает «тип мышления и действия, направленные на постижение особенностей сельской жизни в ее разнообразных проявлениях — политэкономических, социокультурных, аграрно-технологических, регионально-географических» (с. 5).

Ученые-аграрники в книге не сгруппированы ни по времени, ни по взглядам, ни по специализации, в каждом очерке дается просто хронология их жизни и научной деятельности. Поначалу это кажется некоторым упрощением. Однако когда вчитываешься в заголовки очерков, то не только все встает на свои места, но и представляется, что иначе и быть не должно. Достаточно следующих примеров: «А. В. Васильчиков: миссия секунданта»; «Ф. А. Щербина: столетние парадоксы семейных бюджетных исследований»; «А. В. Чаянов: исследования, утопии, планы среди социальных катастроф»; «П. А. Сорокин: от народничества через революцию к аграрному урбанизму и рурбанизму»; «Т. И. Заславская: догнать?! не отстать?! не исчезнуть?!»; «В. П. Данилов: переосмыслить альтернативы аграрного развития» и др.

Из содержания очерков следует, что неприятие идей аграрников, как правило, сопровождалось санкциями и даже суровыми репрессиями со стороны власти.

Книга открывается описанием судьбы и жизни князя А. И. Васильчикова, секунданта М. Ю. Лермонтова, критически относящегося к «консервативным порядкам николаевского царствования» (с. 11), которому царь неоднократно советовал: «Переменись!» Перу Васильчикова принадлежат двухтомные труды «О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений» и «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах», а также ряд брошюр «по проектам правительственных реформ в области губернского управления, народного образования, сельской экономики» (с. 12). Он

© Кузнецова Т. Е., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

предложил проводить реальные статистические исследования по крестьянским хозяйствам (с. 17); не идеализируя крестьянскую общину, отмечал в ней «главное достоинство: социально-экономическую поддержку всех членов общества, в том числе и самых слабейших» (с. 18). Анализируя особенности исторической самоорганизации местного населения, Васильчиков исходил, как убедительно показывает А. М. Никулин, из понятия «земство», а это означало, что «оно относится к представительству не народа, а земли». Поэтому в «России связь с землей не только право, но и обязанность, тут не только имеешь право на землю, но и подлежишь обязанности землю держать». Отсюда «коренная особенность земской организации — особое подавляющее значение крестьянства, организованного в сельские общины» (с. 25).

Никулин обращается к одному из важнейших для России, в том числе и сегодняшней, вопросов — «драме расстояний и расселений» (с. 26) и делает вывод, что «по Васильчикову, в России, в отличие от стран Западной Европы, даже не столько густота населения, близость расстояний, удобства сообщений, но прежде всего рассеянность и плотность мест сельского жительства оказывается решающим в вопросах самоуправления общественным благосостоянием. А что касается густоты населения, близости расстояний и удобства сообщений, то тут и в России и в Европе видны одни и те же приметы централизации, в которой централизация управления определяет и централизацию повседневного быта» (с. 27).

В ряде работ Васильчикова предпринята критика власти. Одна из них посвящена проблемам образования — «Русский администратор новейшей школы. Записка псковского губернатора Б. Обухова и ответ на нее», в которой Васильчиков советует: «Занялись бы Вы, губернатор, как следует своей прямой обязанностью — управлением починкой и строительством дорог в псковских землях, находящихся в таком отвратительном состоянии». Актуально звучит и сегодня, не правда ли? Другому сановнику — министру народного просвещения графу Толстому, Васильчиков пишет: «Ну к чему Вы в такой спешке взялись насаждать латынь в школах, ведь у вас в министерстве громадная нехватка учителей по классическим дисциплинам?.. Реформа может стать непосильным бременем... Граф, неужели Вы всерьез полагаете, что изучение опыта античности будет способствовать дисциплине и послушанию подрастающих поколений?.. Классическое воспитание отнюдь не предотвращает радикализм, но может даже способствовать его развитию».

«Своеобразным итогом аналитического исследования Васильчиковым эволюции российской власти нужно считать его неоконченную записку «О тайной полиции в России», в которой автор предостерегает от создания «властного симбиоза элит и спецслужб» (с. 35). К словам Никулина о том, что князь Васильчиков был секундантом сельской России, можно добавить: он был секундантом всего русского народа, а его замечания о власти актуальны во все времена.

Анализируя творчество и жизненный путь А. В. Чайнова, «за рубежом получившего имя крестьянского Маркса» (с. 50), Никулин выделяет несколько направлений его деятельности. Это анализ многообразия народнохозяйственных систем;

сопоставление в России и мире реальных и утопических аграрных экономик, рассмотрение системы государственного коллективизма. Заканчивается очерк описанием жизни Чаянова в ссылке и его гибели.

Никулин отмечает: «Чаянов предлагал рассматривать мировое (народное) хозяйство не как однообразное, определенное классической политэкономией целое, но как конгломерат разнообразных хозяйственных форм и образований, построенных на различных организационных принципах» (с. 51). В работе «К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства» (1926) Чаянов разработал таблицу народнохозяйственных систем, особо подчеркнув «невозможность выразить в элементах-категориях одной системы способ существования другой, ибо каждая... являет... сложное образование собственных внутренних связей и явлений». Чаянов признавал, что капиталистический уклад играет ведущую роль в развитии мирового хозяйства, хотя и имеет серьезные изъяны.

В работе «Организация крестьянского хозяйства» (1926) Чаянов всесторонне исследовал семью как ядро крестьянского хозяйства, зависящее от количества членов семьи, их возраста и способа существования, от принятого организационного плана, называемого им «душой хозяйства», от связи хозяйства с рынком, уровня его товарности. Дальнейшее развитие крестьянского хозяйства Чаянов видел в кооперации как системе крестьянского уклада и основании организационно-производственного процесса со спецификой управления и организации.

Чаянов проявлял интерес к аграрным проблемам других стран. В частности, он давал высокую оценку эффективности и профессионализму работы департамента земледелия США, при этом утверждал: «...Если не принимать во внимание нашего разгильдяйства, то нужно российскую нацию поставить выше. Американцы не так образованны, как мы, не так вообще думают».

Кроме анализа научных и литературных повестей Чаянова Никулин обращается к его научно-фантастическим утопиям — «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» и «Возможное будущее сельского хозяйства», написанным с интервалом почти в 10 лет (первая в 1919 г., вторая в 1928 г.). «...Утопия 1928 года полностью отрицает утопию 1919 года» — делает вывод Никулин, поскольку «стандартизация технического прогресса упраздняет разнообразный мир Чаянова» (с. 68). С точки зрения общей социально-экономической теории Чаянова в России после Октября 1917 года возникает новая хозяйственная система, не самая эффективная, но достаточно живучая, с определенным потенциалом развития (с. 69). Перспективы будущего аграрного хозяйства в стране видятся Чаянову в создании совхозов, последовательно государственных советских предприятий.

На основе материалов открытых архивов Никулин рассказывает о последних годах жизни ученого. Арестованный в 1930 г. по обвинению в принадлежности к Трудовой крестьянской партии, а также в том, что «из Казахстана передавал Кейнсу стратегические сведения о запасах зерна и шерсти в СССР» (с. 94), 3 октября 1937 г. во дворе алма-атинской тюрьмы Чаянов был расстрелян.

Описанию личностей ученых и практиков аграрников-американцев, поработавших в России, и российских ученых, побывавших в Америке, Никулин посвятил два специальных раздела — один о советских аграрниках 1920-х, включающий впечатления русских ученых об основных характеристиках американского села, о западной аграрной сфере и ее взаимоотношениях с властью, другой — о деятельности и ее последствиях американских аграрников в России.

До 1930-х гг. «советское государство открыто признавало огромные масштабы советской сельской отсталости, прислушиваясь к мнению российских экономистов-экспертов в области международного аграрного развития, поддерживая исследования аграрного опыта передовых западных стран (прежде всего Германии и США) для адаптации к условиям советской экономики» (с. 95). Среди тех, кто этот опыт распространял и адаптировал в России, был профессор Н. М. Тулайков, предисловие к книжке которого «Организация распространения сельскохозяйственных знаний среди населения Соединенных Штатов» написала Н. К. Крупская. В 1924 г. в брошюрах «Как работает американская Петровка» (аналог Тимирязевской академии) и «Сельскохозяйственные колледжи Соединенных Штатов» Тулайков мечтал о несбыточном: «когда-либо наш архибюрократический Наркомзем на Старой площади в Москве... сможет превратиться в некоторое подобие Вашингтонского департамента земледелия... Но пока... почти по всем вопросам местного сельского хозяйства зависим мы от областного уполномоченного Наркомата земледелия...»

Поездки Тулайкова в США закончились в 1927 г. По их итогам он написал брошюру «Несколько впечатлений по поездке в Соединенные Штаты Америки и Канаду», которая вызвала интерес Сталина, цитировавшего на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 г. отрывки из нее, в частности, об уникальных особенностях громадных размеров американской зерновой фабрики «в полемике с критиками форсированного развития крупных советских хозяйств в ущерб семейным крестьянским хозяйствам» (с. 105). Несмотря на интерес Крупской и Сталина к работам Тулайкова, в 1938 г. он, «к тому времени академик, крупнейший российский и советский почвовед» (с. 105), стал жертвой репрессий.

Следующий очерк посвящен Н. П. Макарову, соратнику А. В. Чаянова по организационно-производственной школе. Его монография «Как американские фермеры организовали свое хозяйство» построена на сопоставлении жизни и деятельности российского крестьянина и американского фермера. Основные положения этой книги Никулин излагает таким образом: «Если у русского крестьянина семья стоит на первом месте... то у американского фермера на первом месте стоит ферма как предприятие, бизнес. Американские фермы тесно связаны с городами и промышленностью, русские хозяйства — «натурально хозяйствующие и автаркические» (с. 106). По Макарову, для русского: «величина дохода крестьянской семьи определяется возможностью в основном натурального воспроизводства ее существования на основе достаточно полного удовлетворения крестьянских семейных потребностей. В США ферма уже стала товаром. И фермер прежде всего

смотрит, чтобы доход от его фермы мог покрывать проценты на капитал, вложенный в ферму» (с. 108).

Анализируя вторую книгу Макарова «Зерновое хозяйство Северной Америки», Никулин останавливается на раскрытии автором особенностей хозяйственной эволюции зернопроизводящих стран вообще и США в частности. Чаянов в свое время достоинством этой работы считал, что она прежде всего — научно-теоретическая. Большевистский эксперт по аграрным вопросам Н. Осинский подверг «уничижающей критике именно теоретическую часть макаровской работы, назвав ее сельскохозяйственной философией истории, основанной на неудачном развертывании знаменитой статической пространственной модели фон Тюнена в современном динамичном времени», — фиксирует Никулин (с. 111). В 1930 г. Макаров был арестован по обвинению в деятельности антисоветской Трудовой крестьянской партии. Во время Второй мировой войны, оказавшись на оккупированной территории, отказался сотрудничать с немцами, признавшими в нем крупного специалиста-аграрника, участвовал в партизанском движении. После войны преподавал в сельскохозяйственных вузах.

Трагической судьбе еще одного аграрника, изучавшего германский и американский опыт, посвящен очерк «Г. А. Студенский: конъюнктура американского технического прогресса в советской реконструкции сельского хозяйства». Студенский, «оставив организационно-производственную школу... не смог примкнуть к стремительно набиравшей силу школе аграрников-марксистов, став своеобразным аутсайдером в кругу советских аграрников конца 1920-х гг.» (с. 114). Проведя в Америке более полугодя, изучая тенденции в развитии американского сельского хозяйства, Студенский готовил большую книгу об американском техническом перевороте. Однако в 1930 г. опубликовал лишь схематический очерк, где выводы представлены в качестве гипотезы, в правильности которой он был убежден (с. 114). Ученый связал годы депрессии с техническим переворотом, обращаясь к опыту и особенностям американского сельского кризиса 1875–1900-х гг. Никулин поясняет, что, по мнению Студенского, «эта депрессия вообще не депрессия, но лишь пролог начала глубокого, всеобъемлющего кризиса сельскохозяйственного производства. В его основе лежит громадный технический переворот, осуществляемый на основе электрификации, внедрения и широкого применения двигателя внутреннего сгорания, прежде всего в американском сельском хозяйстве» (с. 118). Никулин делает вывод: «Несмотря на безусловную смелую оригинальность очерка Студенского, его остроумную критику немецкого теоретического народничества и американского несистематического эмпиризма... в тексте Студенского явно сказывается примат техники над биологией и социологией, стремление думать и писать в стиле советского марксизма времени „великого перелома“. Власть не поверила в коммунистическую перековку Студенского. В 1930 г. 31-летний профессор Студенский по обвинению в принадлежности к антисоветской Трудовой крестьянской партии был заключен в тюрьму, где покончил жизнь самоубийством» (с. 124).

В очерке «Американские аграрники в СССР: „Ты теперь в совхозе!“» речь идет о тех ученых-аграрниках и хозяйственниках, которых можно считать технико-экономическими инноваторами обеих стран, объединивших свои усилия в совместных аграрных проектах. Это три американца — менеджер-коммунист Гарри Уэйре (1889–1935), механик-идеалист Лемент Харрис (1899–1985) и капиталист-реформатор Томас Кэмпбелл (1882–1966) (с. 128). Материалы, связанные с американцами в России, почерпнуты Никулиным не только из литературных источников, но и из командировок по стране, в ряде районов которой до сих пор сохранилась память о сотрудничестве СССР и США в далекие 1920-е гг.

Герой следующего очерка — Лемент Харрис, американский механик, работавший в совхозе в Ростовской области в 1928 г. В 1980-е гг. он написал очень доброжелательную книгу воспоминаний об этом хозяйстве, хотя оснований для критики условий того времени у него было достаточно. В 1960-е гг. Харрис приезжал в СССР и побывал в совхозе, зарождавшемся на его глазах.

Последняя статья раздела об американцах в советской России в 1920-е гг. посвящена Томасу Кэмпбеллу, «крупнейшему американскому агротехнократу, аграрному Форду, владельцу гигантской зернофабрики в степях штата Монтана. К 1928 г. Сталин стал поощрять в стране гигантоманию. Никулин поясняет: «Первый дохрущевский план освоения целинных земель обсуждался на июльском пленуме ВКП(б) 1928 г... Пленум утвердил просталинское решение о развертывании степных совхозов-гигантов. В январе 1929 г. Сталин пригласил Томаса Кэмпбелла в Москву» (с. 140). Американец побывал в совхозах-гигантах Юга России. По итогам своего пребывания в стране, поездках и встречах со Сталиным, он написал весьма доброжелательную книгу о ситуации в России. О том, что было дальше, читатель может узнать из книги Никулина.

Раздел об американских аграрниках в России Никулин заключает выводом, с которым нельзя не согласиться: «Может показаться, что американско-советская агрогигантомания 1920–1930-х гг. осталась в истории лишь абсурдным анекдотом, памятником-тупиком советской аграрной эволюции, но приступы маний, в том числе и агроманий, периодически повторяются» (с. 147).

Коротко экономическую концепцию Л. Н. Литошенко, которой он оставался верен всю жизнь, Никулин сформулировал так: «развитие производительных сил аграрной России по либеральным экономическим рецептам на основе интересов русских земледельческих элит» (с. 149). В опубликованной в 1911 г. Литошенко брошюре «Земские и правительственные ассигнования на мероприятия по агрономической помощи населению» впервые в русской аграрной мысли был исследован вопрос о соотношении воздействия государства и местного самоуправления на развитие сельского хозяйства, т. е. то, что стало называться «агрономической помощью населению».

Во второй брошюре Литошенко «Интересы сельского хозяйства и Государственная дума» (1912) рассматривалось соотношение политико-экономических сил между городом и деревней. Никулин подчеркивает, что автор «анализирует

политические противоречия между аграрниками и промышленниками в 1911–1912 гг., фиксируя организационно-политический парадокс: при подавляющем большинстве думских мест за счет массового сельского избирателя, в правительстве и парламенте удается почти всегда принимать решения в пользу количественно немногочисленных, но прекрасно организованных городских промышленных группировок» (с. 151).

Важнейший момент, отмечаемый Литошенко, — внутренние интересы аграрного класса далеко не однородны. «Среди самих аграрников-интеллектуалов образовались две идеологические партии: „московская“ и „харьковская“, или „северяне“ и „южане“, обладающие собственными журналами, ключевыми должностями в южных и северных кооперативах и земствах» (с. 153).

Анализируя творчество Литошенко, Никулин раскрывает противоречивые подходы советского правительства к развитию экономики сельского хозяйства в 1920-е годы. «Статистик Литошенко с бухгалтерской скрупулезностью... самим своим названием «Разрушение сельского хозяйства» — однозначно итожит революционный аграрный опыт России», выделяя основные его причины, приведшие фактически к перерождению самого крестьянского хозяйства... Все это сам Литошенко назвал натурально-потребительской реакцией на меры социалистической революции. Главным последствием данной реакции стала опасность хронического голода... По мысли Литошенко, идеология нэпа так же двойственна и противоречива, как и предшествующая идеология военного коммунизма» (с. 160).

В 1930 г. Литошенко был арестован по делу Трудовой крестьянской партии, «ему стремились отвести место на скамье подсудимых рядом с Чаяновым и его коллегами — с теми, кого на самом деле либерал Литошенко неустанно критиковал за так называемые народнические иллюзии» (с. 172–173).

Следующий очерк — о С. С. Маслове, удивительном человеке со сложной и в известном смысле авантюрной судьбой. Никулин дает краткое описание жизни Маслова: эсер, организатор сельской кооперации, публицист, до революции неоднократно арестовывался за политическую деятельность, возглавлял избирательную кампанию вологодских эсеров в Учредительное собрание, был председателем оргкомитета Всероссийского съезда крестьянских депутатов в Петрограде, избирался депутатом Учредительного собрания от Вологодской губернии, после разгона которого — активнейший борец с большевиками. В архангельском антибольшевистском правительстве занимал пост военного министра, а затем и губернатора. Но не поладив с англичанами, отправился в антибольшевистскую Сибирь. Однако в это время Колчак свергает правительство эсеровской директории, Маслов вынужден скрываться от его контрразведки. В Уфе его задерживают красные и препровождают в московскую ВЧК. «Здесь Маслова, как и его соратника и друга Питирима Сорокина, заставили публично покаяться и пообещать не заниматься политикой, а лишь научно-культурной деятельностью» (с. 176). Однако он создает нелегальную политическую ячейку «Крестьянская Россия», снова попадает под аресты и обыски и осенью 1921 г. через Польшу перебирается в Прагу, где и оста-

ется как политический эмигрант, активно расширяя организационное влияние «Крестьянской России».

Перу Маслова принадлежат две замечательные книги. Характеризуя первую книгу — «Россия после четырех лет революции», Никулин отмечает, что «до сих пор это сочинение Маслова считается одним из лучших исследований России эпохи военного коммунизма, блестящим образцом, сочетающим в себе анализ классовых структур и статистических закономерностей, национальных проблем и народного фольклора» (с. 177). Что касается второй книги — «Колхозная Россия»¹, то Никулин называет ее политическим завещанием «яркого лидера крестьянства общероссийского и международного масштаба — писателя-интеллектуала и политического активиста одновременно. Книга жанрово многослойна. Безусловно, это яркий политический памфлет, в котором Маслов не обошел язвительным вниманием ни одного извива аграрной политики генеральной линии большевистской партии, пунктуально перечисляя и критикуя соответствующие судьбоносные заявления и решения пленумов, конференций, съездов ВКП(б)» (с. 187).

Никулин пишет, что «Маслов вскрыл главное противоречие колхозной жизни, симбиотическое, часто неформальное сосуществование интересов государства и сельского сообщества внутри колхозного хозяйства, ведь оно... с одной стороны, находится под постоянным воздействием власти, которая вторгается в его жизнь во всех ее проявлениях. С другой стороны, колхозное хозяйство зависит от нужд, отношения и поведения своих членов-крестьян» (с. 191). Несмотря на твердое убеждение, что семейный крестьянский труд является основой существования сельской жизни, Маслов подчеркивает, что крупное аграрное производство на селе, безусловно, необходимо, а потому в постсоветском будущем колхозы отнюдь не должны уничтожаться-отмирать — им следует трансформироваться в кооперативные предприятия, эффективно и рационально обслуживающие интересы крестьянских хозяйств». В связи с этим замечанием Никулин заключает, что «в современной России можно наблюдать, что именно такое соотношение колхоза и двора является на селе наиболее экономически и социально продуктивным, но это скорее исключения, а правила остаются прежними: постсоветские колхозы — агрохолдинги — диктуют свою волю бесправному сельскому населению со всеми его личными подсобными хозяйствами... Изничтожили крестьянскую Россию и, кажется, уже и Россию сельскую» (с. 192).

Очерк о П.А. Сорокине Никулин назвал «От народничества через революцию к аграризму и рурбанизму». В статье «Возможные конфликты и необходимые выводы» (март, 1917) Сорокин писал: «Конфликт между городом и деревней, рабочим и крестьянином... будет неизбежен... он наступит, если почему-либо крестьянин забудет о городе, задерживая свой хлеб, или рабочий забудет о деревне...». «Политологическое предчувствие Сорокина о значении сельско-городского хлебного конфликта в русской революции оказалось пророческим», — замечает Никулин и

1. В 2007 г. книга «Колхозная Россия. История и жизнь колхозов» была переиздана Институтом экономики РАН в издательстве «Наука».

далее: «С тревогой, доходящей до отчаяния, Сорокин в своих публицистических текстах анализировал, как экстремистско-диктаторская идеология большевиков месяц за месяцем набирает популярность в России» (с. 201).

После окончания Гражданской войны Сорокин подвел своеобразный итог послереволюционному периоду в России в книгах «Голод как фактор» и «Социология революций». В последней, утверждает Никулин, ученый обобщил вывод о том, что большевики победили, искусно и безжалостно оптимизировав в своей политике «два примитивных фактора: угрозу голода и угрозу насилия» (с. 204). Сорокин оказался на «философском пароходе», о пассажирах которого Л. Троцкий сказал: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно»².

В Праге Сорокин написал брошюру «Идеология аграризма», где в научно-популярной форме изложил основные положения этого социального движения» (с. 207). Свои главные труды по сельской социологии Сорокин создал на рубеже 1920–1930-х гг. — «Принципы сельско-городской социологии» (1929), «Систематическая книга-источниковедение по сельской социологии», написанные совместно с Карлом Циммерманом. Третьим соавтором по последней книге был Чарльз Дж. Гальпин. В 1930-е гг. Сорокин оставил занятия сельской социологией, переключившись на работы по теоретической социологии и социологии культуры.

Изучив научные труды А. Д. Билимовича (до революции — киевский профессор, участник Белого движения, был министром сельского хозяйства у Деникина, с 1920 г. находился в эмиграции), Никулин выяснил, что более трети ее посвящены аграрной тематике. В 1904 г. вышла работа «Крестьянский порядок по трудам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности», по результатам научной командировки в Германию — брошюры «Отчет за первый год заграничной командировки» (1906) и «Немецкий ученый о Русско-японской войне и русских финансах» о профессоре, специалисте по международным финансам К. Гельферихе (1906).

Никулин подчеркивает, что «Билимович в духе, близком Столыпину, сделал выводы из первой русской революции: сельское хозяйство России нуждается в широких реформах, направленных на формирование самостоятельного крепкого крестьянства, не опутанного правилами общинного быта и землевладения» (с. 219). Билимович предостерегал от примитивного перераспределения собственности. Будучи министром сельского хозяйства Белого Юга, он руководил разработкой аграрного законопроекта, согласно которому предполагалось сохранить некоторые отрасли и участки помещичьего хозяйства. Однако, как пишет Никулин: «... по пути передела собственности пошла большевистская революция с ее знаменитым Декретом о земле» (с. 220–221). В эмиграции, «навсегда оставив политическую деятельность, Билимович обратился к профессорской научно-педагогической работе, но в борьбе с большевиками не сложил оружия. В 1921 г. во влиятельном эми-

2. http://ru.wikipedia.org/wiki/Философский_пароход

грантском журнале «Русская мысль» была опубликована его программная статья «Собственность и крестьянское движение», в которой он предлагал альтернативу рабоче-большевистскому движению... идеология крестьян должна базироваться на их праве собственности на землю, воплощенном и развитом в политических и культурных организациях крестьянства» (с. 224).

Последняя книга Билимовича «Экономический строй освобожденной России» (1960. Переиздана ИЭ РАН в «Науке» в 2006 г.) посвящена возможным вариантам развития посткоммунистической России. Рассмотрев многие из возможных, в качестве наилучшего автор предлагает «смешанную хозяйственную систему», в которой ценно то, что «для нее открыта свободная дорога к мировому эволюционному устранению замеченных темных сторон без грубых ломок, попрания чужих прав и насилия над людьми».

Два последних очерка, касающихся персоналий, Никулин посвятил советским аграрникам — экономисту-социологу Т. И. Заславской и историку-обществоведу В. П. Данилову. «Безусловно, формально чрезвычайно удачная научная и общественная карьера Т. И. Заславской не должна заслонять от нас реальной драмы ее до конца нереализованного интеллектуального и научного потенциала, драмы к тому же сотрясавшейся периодически мощными общественно-политическими конфликтами — скандалами вокруг ее имени, неоднократно угрожавшими научной репутации и карьере этого замечательного ученого» (с. 250).

Первая «история», как любил называть надуманные идеологические нападки на ученых В. Г. Венжер, которого Заславская считала своим учителем, случилась во времена Хрущева. Она была связана с результатами проведенного в Институте экономики АН СССР Т.И. Заславской и М. И. Сидоровой сопоставления производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США. Идея такого сопоставления возникла потому, что в эти годы была поставлена задача: «Догнать Америку!» Никулин так и назвал главку своего очерка: «Догнать?!» В 1940 г. подобные расчеты произвел М.И. Кубанин. Он показал, что отставание советского показателя от американского составляло 4,5 раза. Такие результаты власти не понравились, и Кубанин был расстрелян. У Заславской и Сидоровой получились те же 4,5 раза. Санкции могли быть непредсказуемыми. Но все обошлось, «два года творческого труда были попросту „стерты резинкой“, как будто их никогда и не было» (с. 263).

Вторая «история» случилась в 1983 г. Коротко Никулин охарактеризовал ее как «Не отстать?!». В Новосибирском Академгородке на научном семинаре Заславская выступила с докладом «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии». Один из разделов доклада назывался: «Существенное отставание производственных отношений советского общества от развития производительных сил». Как заключает Никулин: «Заславская выдвигала позитивные предложения по проведению коренных социально-экономических реформ в СССР, направленных на преодоление бюрократизма в верхних и абсентеизма в нижних слоях советского общества» (с. 267). Доклад шел под грифом «Для служебного пользования». Из 100 розданных для обсуждения

экземпляров 2 не вернулись в первый отдел института. Вскоре на Западе в газете *Washington Post* появился перевод доклада под заголовком «Новосибирский манифест», а русскоязычный текст доклада транслировался на «Немецкой волне».

Новосибирский обком КПСС подверг строгой критике Заславскую и ее начальника А. Г. Аганбегяна за идеологические ошибки и административные нарушения. Однако партийное наказание было относительно мягким: каждому по выговору без занесения в учетную карточку.

Третья «история» названа Никулиным «Не исчезнуть?!». Она началась в 1989 г. обвинениями журналистом А. Салуцким Заславской в том, что она является автором концепции «неперспективной деревни», расширенной до «ликвидации российской деревни». Салуцкий «уничтожением деревни» третировал Заславскую на протяжении многих лет. Никулин подробнейшим образом исследует эту историю и заключает: «В конечном итоге... научная общественность именно благодаря наступившей гласности все же защитила доброе имя Заславской, заставив Салуцкого прекратить свою клевету» (с. 282). В то же время в современной России «идеологическая триада „догнать?! не отстать?! не исчезнуть?!“... по-прежнему тревожно актуальна» (с. 284).

Герой следующего очерка — В. П. Данилов, выдающийся исследователь российского крестьянства XX века, приверженец теоретико-методологических подходов к анализу исторических фактов, стремившийся вписать их в общеисторический контекст, выявить истоки и последствия исторических событий. Данилов создал теорию крестьяноведения и определил в современной России важнейшие направления исследования крестьянства дореволюционного и советского периодов. Раскрыв причины крестьянских революций в прошлом веке и определяющую роль крестьянства в Октябрьской революции, он показал истинные условия перехода к преждевременной и насильственной коллективизации, критиковал современную аграрную политику, приводящую к деградации и опустошению села.

Никулин проанализировал в творчестве Данилова особенности «крестьянства» и «фермерства», «которые следует различать в их историко-экономическом и историко-культурном контекстах». На основе российско-американских сравнений Данилов показывал их различия в России до великого сталинского перелома, отмечая, что «сплошная коллективизация по-сталински оборвала многообещающее плодотворное соревнование фермерско-предпринимательских и крестьянско-кооперативных альтернатив в советской экономической политике»³.

Рассматривая творчество Данилова в период перестройки, Никулин обращает внимание на то, что тема альтернатив возникла на повестке дня с новой силой. Действительно, Данилов предполагал, что появилось новое понимание «прошлого и настоящего нашей страны для перестройки общества на подлинно социалистических принципах». Однако вскоре само шестидесятничество подверглось «на-

3. Данилов В. П. (1993). Определение крестьянства // Отечественная история. № 2. С. 27–28.

смешливой идеологической критике: за непонимание пороков советского общества и неспособность осознать... «новое мышление».

Что касается столыпинской реформы, к которой обнаружился особый интерес в 1990-е гг., то Данилов относился к ней достаточно критически и неоднозначно. «Мы должны признать, — констатирует Никулин, — что только сейчас, в 2010-е гг., прогноз Данилова в виде циклического воплощения столыпинской альтернативы наполняется реальными очертаниями: современная сельская Россия состоит из примерно 700–800 агрохолдингов-латифундий, 70–80 тыс. капиталистических фермерских хозяйств и пока еще не подвалов нищеты, но уж точно полуподвалов массовой бедности (с. 314)... Один из главных выводов, который мы можем сделать из переосмысления научных и публицистических работ Данилова, таков: в истории существуют как кратковременные, так и долговременные циклы соперничающих между собой альтернатив человеческого развития. И когда настанет время волны новых альтернатив, социальная наука заново откроет и востребует для себя наследие В. П. Данилова» (с. 319).

Последние два очерка написаны по результатам социологических исследований самого Никулина. В известном смысле они объясняют некоторые методы социологического анализа: опрос конкретного лица, свободно повествующего о многообразии жизни вокруг и дающего ее оценку, наблюдение автора за жизнью и поведением конкретного человека в естественных для него условиях, которое добавляется к рассказу самого опрашиваемого.

Особняком стоит в книге очерк о Ф. А. Щербине. Сопоставляя особенности изучения бюджетов сельских домохозяйств, полученных на основе российской земской бюджетной статистики в конце XIX в., проводимой под руководством Щербины, и результаты постсоветских сельских социологических исследований конца XX в., Никулин приходит к следующему выводу. Парадоксально, но, несмотря на прошедшее столетие, наблюдаются типичные бюджетные ошибки и искажения, допускаемые земскими статистиками и постсоветскими социологами «в процессе общения с различными стратами сельского населения» (с. 38). Между тем одна из главных проблем бюджетного метода — точность и достоверность сведений. Методологию Щербины, изложенную в «Сводном сборнике по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897», Никулин характеризует так: «Если бы нынешний социолог действовал по рекомендациям ученого в современной деревне, то... он провалил бы все исследование». В то же время: «Наверняка и земский статистик потерпел бы полный провал, если бы работал по современным методикам» (с. 40). Никулин раскрывает обнаруженные им «любопытные закономерности и эволюцию в путанице сведений о семейной экономике сельских жителей» (с. 41). Он называет и рассматривает причины этой путаницы, кроме конкретных условий, по его мнению, связанные с тревогой, для которой имелись основания и во времена Щербины, имеются и сейчас (тревоги внутрисемейных и местных тайн, использование недозволенных ресурсов и т. п.). Общий вывод Никулина-социолога: «Сто лет назад искажения в ответах о семье преобладали над искажениями

в ответах о ее хозяйстве; ныне искажения в ответах о хозяйстве преобладают над искажениями в ответах о семье» (с. 49). Современному читателю этот вывод не только понятен, но и близок, не правда ли?

Интереснейшая книга Никулина содержит историю российского села, раскрывает отношение власти не только к селу и аграрной мысли, но и к личностям выдающихся аграрников России середины XIX, всего XX и начала XXI вв.

Russian Agruculturists: Adherence to Ideas and Actions

Tamara Kuznetsova

Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)

Address: 32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation 117418

E-mail: kte@inecon.ru

Review: *Agrarniki, vlast' i selo: ot proshlogo k nastojashhemu* [Agriculturists, Power and Village: From Past to Present] (Moscow: Delo, 2014) by Alexander Nikulin (in Russian)